

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Смолина А.Н. Нравственно-аскетическая проза Паисия Величковского: идейные основания, специфика аргументации, язык и стиль // Филология: научные исследования. 2025. № 11. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.11.76622 EDN: EMHRFM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76622

Нравственно-аскетическая проза Паисия Величковского: идейные основания, специфика аргументации, язык и стиль

Смолина Анджелина Николаевна

ORCID: 0000-0003-0947-3763

доктор филологических наук

профессор; кафедра русского языка, литературы и речевой коммуникации; федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский федеральный университет»

660125, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Проспект Свободный, 82 А, оф. 2-42

✉ angelic2009@mail.ru

[Статья из рубрики "Автор и его позиция"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.11.76622

EDN:

EMHRFM

Дата направления статьи в редакцию:

01-11-2025

Дата публикации:

08-11-2025

Аннотация: Исследуется нравственно-аскетическое сочинение церковного писателя Паисия Величковского «Об умной или внутренней молитве» в контексте религиозно-христианской культуры. Предметом исследования являются идейное наполнение нравственно-аскетических текстов Паисия Величковского, особенности их аргументативной составляющей, лингвостилистическая специфика. Цель представляемой работы состоит в том, чтобы показать идеально-художественные и аргументативные особенности духовной прозы писателя – текстов, в которых внимание фокусируется на изучении процесса духовного совершенствования, достижения христианского идеала,

борьбе человека со своими пороками. Актуальность работы определяется тем, что оно выполнено в рамках теолингвистики и стилистики – направлений современной филологии, активно развивающихся на протяжении ряда десятилетий, а также вниманием современных лингвистов к аксиологической составляющей литературных произведений. Основные методы исследования – теолингвистический, предполагающий изучение взаимосвязи языка и религии, лингвостилистический, направленный на установление обусловленных экстралингвистическими факторами закономерностей функционирования языковых единиц. Установлено, что писателем освещаются вопросы, связанные с духовно-нравственным совершенствованием человека, достижением внутреннего согласия, осознанным желанием контролировать внутреннюю жизнь на уровне помыслов в деле достижения спасения души, что коррелирует с идеальными установками религиозно-философского учения исихазма. Подчеркивается, что идеальные основания нравственно-аскетической прозы Паисия Величковского имеют своим источником исихастское учение, которое утверждалось в святоотеческих творениях, в том числе тех, которые писатель переводил с греческого языка на русский. Отмечается, что идеальные основания, восходящие к исихазму, задают направления содержания анализируемых текстов, обусловливают развитие идей смирения и самоумаления, которые репрезентируются с помощью кенотических единиц; идеи умного делания, воплощающейся через использование языковых единиц, обслуживающих предметную область исихазма; идеи спасения, которая утверждается с помощью сотериологической лексики; идеи трезвения, реализация которой осуществляется с помощью богословско-аскетических терминов, в основном тематической группы «неписис»; идеи безмолвия, языковыми репрезентантами которой становятся термины исихазма и тропы аналогического типа. Показывается, что автор использует аргументы «модель – антимодель», к свидетельству, к норме; языковыми особенностями текстов становится использование богословско-аскетической лексики, аллегорий и метафор, характерных для церковно-религиозных текстов; чертой стиля писателя является следование традициям монашеской словесности.

Ключевые слова:

Паисий Величковский, нравственно-аскетическая проза, идеи исихазма, церковно-религиозный текст, сотериологическая лексика, аргументы к свидетельству, лексика исихазма, аллегория, интертекстуальные включения, кенотические единицы

Введение

Актуальность исследования нравственно-аскетической прозы русского церковного писателя XIX века Паисия Величковского определяется прежде всего ее аксиологичностью: многие ценности, на которые ориентирует писатель, в течение многих веков остаются весьма значимыми как для русской церковно-религиозной письменной культуры, так и для отечественной культуры в целом. В настоящий момент важность изучения религиозно-христианской аксиологии осознается многими культурологами, философами, психологами, педагогами, филологами, что находит отражение в трудах, посвященных исследованию влияния христианских этики и аксиологии на формирование русской письменной культуры, изучению роли и значимости христианских ценностей в современных образованиях, воспитании, искусстве и др. Здесь важно отметить труды «Христианская аксиология в творчестве К. Д. Ушинского и Ф. М. Достоевского» Н. Е. Чуватовой, «Православная аксиология в русской прозе XX–XXI веков» И. А. Казанцевой,

«Русская религиозная аксиология» В. Г. Лукьянова, «Аксиология и воспитательный потенциал отечественной правовой культуры...», «Аксиологические доминанты в системе ценностей русского эпического героя» А. С. Миронова [1, 2, 3, 4, 5]. Помимо этого, актуальность представляемой работы определяется важностью лингвистического изучения произведений церковно-религиозного стиля, в частности текстов монашеской словесности, на что обращают внимание многие современные исследователи, значимостью развития теолингвистики и стилистики. На протяжении последних десятилетий церковно-религиозный стиль, его место в системе функциональных стилей, свойственные ему средства выразительности, идейное содержание текстов, жанры, функционирующие в церковно-религиозной сфере, монашеская культура активно изучаются филологами. При этом обычно обосновывается необходимость такого изучения, его значимость для объективного описания литературного процесса, рассмотрения становления русской письменной культуры, систематизации русской словесности. Отметим ряд значимых работ данного направления: «Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка» Л. П. Крысина, «Современная православная проповедь в функционально-стилистическом аспекте» И. А. Крыловой, «К вопросу о функциональном церковно-религиозном стиле современного русского литературного языка» Ю. Т. Листровой-Правды и М. Б. Растворгувевой, «Социальная обусловленность системы жанров и жанровой компетенции в церковно-религиозной сфере» Е. С. Худяковой, «Монашеская речевая культура» Н. А. Дьячковой [6, 7, 8, 9, 10]. Нами в разное время были опубликованы работы, посвященные как особенностям церковно-религиозного стиля, так и его отдельным жанрам, среди данных исследований можно выделить, в частности такие: «Интертекстуальность как стилевая черта церковно-религиозных текстов», «Русское духовное письмо XX века: мировоззренческие основания, композиция, стиль» [11, 12].

Письменное наследие Паисия Величковского (Петра Ивановича Величковского) – переводчика святоотеческих сочинений, восстановителя монашеских традиций исихазма – этико-аскетического учения «о пути человека к единению с Богом» [13] высоко оценивается как богословами, так и филологами. Об этом говорит большое количество трудов, опубликованных в разное время и содержащих серьезный анализ творений автора (статьи Н. Е. Шафажинской, Т. Г. Поповой, Паисия (Буя), А. М. Пентковского, Н. В. Солодова и других исследователей) [14, 15, 16, 17, 18]. Российскому читателю Паисий Величковский известен как автор нравственно-аскетических трудов, переводов «Добротолюбия» – антологии святоотеческих творений IV–XV веков, «по преимуществу посвященных молитвенно-созерцательному опыту монашеской жизни» [19]. Наше исследование проводилось на основе анализа труда Паисия Величковского «Об умной или внутренней молитве».

Результаты и обсуждение

Мировоззренческим основанием нравственно-аскетической прозы епископа Игнатия является исихастское вероучение, что обнаруживает себя прежде всего в воплощении идей данного религиозно-христианского учения, в особенности – идей смирения, самоумаления, трезвения, безмолвия, умного делания, спасения души. По утверждению ряда исследователей христианской культуры, в частности Д. С. Лихачева, в исихазме «сказался... интерес к психологии человека, к “внутреннему человеку”... к его индивидуальным переживаниям, к возможностям личного общения с Богом...» [20, с. 47]. Сказанное определяет тот факт, что при формировании идейного содержания

произведений, тематического наполнения авторы в большей мере освещают вопросы, которые касаются нравственного и духовного совершенствования человека, достижения им внутреннего согласия и согласия с внешним миром (людьми, которые окружают в различных ситуациях), достижения внутренней тишины, бесстрастия, готовности контролировать свою внутреннюю жизнь на уровне помыслов, отсекая все, что может повредить душе и достижению спасения. Данные авторские установки находят отражение и в лексическом оформлении; в произведениях церковных писателей мы видим частое использование таких слов и сверхсловных единиц, как *внутренний человек, безмолвие, согласие, тишина, умное делание, разум, молитва, сердце, внимание, чистая молитва, молчание, внимательное жительство, Богоданная премудрость, умное действие, здравый разум* и др.

В трудах Паисия Величковского наблюдаются такие же духовно-творческие тенденции, поскольку он был последователем исихастских традиций, переводил много трудов исихастов и старался воплощать в своей жизни те правила, которые были созданы в первые века христианства, а также в более поздние периоды духовными монашествующими писателями Антонием Великим (III–IV века н.э.), Симеоном Новым Богословом (X–XI века н.э.), Григорием Синаитом (XIII–XIV века н.э.) и другими монахами-исихастами.

В большей мере обращает на себя внимание воплощение идей **смирения и самоумаления**, которые репрезентируются с помощью кенотических единиц — слов и сочетаний слов, использующихся как средство умаления себя, благочестивого самоуничижения (преклоняю колена, молю, грешный, многогрешный, убогий, недостойный, умаляться, просить, страх Божий, и др.), а также с помощью слов и сверхсловных единиц, именующих христианские добродетели и их проявления (*смирение, прощение, покаяние* и др.). Появление в речи христиан кенотических единиц свидетельствует о том, что одной из особенностей их мировидения и представлений о себе в окружающем мире, своей роли в нем становится осознание возможности достижения спасения души — главной жизненной цели христианина — только при смирении себя перед Богом и людьми, отсутствии самопревозношения, готовности к самоотдаче, послушанию воле Божией. Важность для христиан обретения смирения, способности к самоумалению значительным образом влияет на их речь, например, в письмах монашествующие христиане в подписи обычно добавляют такие языковые единицы, как раб(-а, -ы), грешный(-ая, -ые), многогрешный(-ая, -ые), недостойный(-ая, -ые), недостойнейший(-ая, -ие), ничтожнейший(-ая, -ие), нижайший(-ая, -ие), убогий(-ая, -ие), неключимый(-ая, -ые) и подобных. Яркий пример самоумаления мы видим в следующем отрывке: *Будучи прах и пепел, преклоняю мысленные колена сердца моего пред неприступным величеством Твоей Божественной славы, и молю Тебя, всесладчайший мой Иисусе Единородный Сыне и Слове Божий сияние славы и образ ипостаси Отчей!* [21, с. 6]. В качестве языковых единиц, выражающих самоумаление, здесь используются слова прах и пепел, с помощью которых автор показывает свое место в мире Божиим, обозначает свое недостоинство перед Богом, слова преклоняю колена служат средством выражения покорности воле Божией, преклонения перед Господом, готовности следовать Его воле, стремления к стяжанию добродетели послушания. Обратим внимание на то, что в воплощении идей смирения и самоумаления в рассматриваемом отрывке используется и метафора (преклоняю мысленные колена сердца моего). Метафорическое, аллегорическое, метонимическое выражение мыслей характерны для церковных писателей, используются ими в произведениях разных жанров.

Смирение и самоумаление, согласно исихастской традиции, имеет очень важное значение в достижении исихии — состояния внутренней тишины и безмолвия, духовного трезвения, постоянного памятования о Боге. О важности добродетели смирения в исихастской практике российский патролог А. Г. Дунаев писал: «Важную роль в исихии играло... смиление (смиренномудрие) (ταπεινωθσίς, ταπεινοφρόνη; смAdnès. Humilité. 1969. Col. 1160–1162 [о вост. монашеской традиции]; ИАБ, № 4. 1151; Sieben. 1980. S. 194) — как внешнее, к-рому особенно способствовала нищета, так и внутреннее, ведшее к победе над одним из основных пороков — гордостью» [\[22, с. 243\]](#). Паисием Величковским значимость смирения подчеркивается в следующем отрезке текста «Об умной молитве...»: *Когда же кто Божию помошью и... глубочайшим смилением очистит душу свою и сердце от всякой скверны страстей душевных и телесных, тогда благодать Божия, общая всех мать, взяв ум, ею очищенный... возводит, как по ступеням в... духовные видения, открывая ему, по мере его очищения, неизреченные и непостижимые для ума Божественные тайны* [\[21, с. 18\]](#).

Смиление, понимаемое в христианстве как осознание своих недостатков и своего несовершенства, примиренность с Богом, людьми и самим собой, объективное видение окружающей действительности, покорное отношение к Богу и принятие Его воли [\[23, 24, с. 697, 25, с. 561\]](#), в сочинении Паисия (Величковского) представлено как основа многих добродетелей, автор эту мысль выражает метафорически (как и в предыдущем примере): *Смилением же, рождающимся от послушания, по свидетельству Святого Иоанна Лествичника и многих св. отцов, возможен он избежать всех прелестей и сетей дьявольских, и тихо, безмолвно, без всякого вреда, постоянно упражняться в этом мысленном деле, с великим душевным преуслеянием* [\[21, с. 38\]](#). Метафоры рождающееся смиление и сети дьявольские способствуют лучшему объяснению того, какое значение для христианина имеет стяжение добродетелей, можно сказать, что метафора здесь используется не только в обычной для нее изобразительной функции, но и в дидактической. Тот факт, что метафора становится средством утверждения идеи, говорит нам о следующем: этот троп в произведении Паисия Величковского играет важную роль в смыслообразовании, к нему автор прибегает не только с эстетическими, но и с когнитивными целями.

Идея **умного делания** — хранения ума и сердца от греховных помыслов с помощью Иисусовой молитвы — звучит в тех частях текста, где автор говорит о сущности данного духовно-когнитивного явления и выступает на его защиту от религиозных деятелей, которые не принимают такой духовной работы над собой, также эта идея выдвигается в размышлениях автора о важности умного делания для духовного совершенствования как монашествующих, так и немонашествующих христиан. Основные единицы, которые используются Паисием Величковским для реализации данной идеи — умное делание, Божественное делание, мысленное делание, духовное делание, священное делание, всесвятое делание, делание ума, умная молитва, сердечный рай, хранение сердца, сердечное хранение, хранение ума, внутренний человек, духовная польза, душеспасительное дело, благодатная молитва. Приведем пример из текста «Об умной или внутренней молитве...»: *На помянутое Божественное умное делание и хранение сердечного рая никогда никто из правоверующих не дерзнул произнести хулы; но всегда все относились к нему с великою честью и крайним благоговением, как к вещи, исполненной всякой духовной пользы*. Обратим внимание на взаимодействие языковых единиц, выражающих идею умного делания, и эпитетов (*великою, крайним*), а также сложного, состоящего из двух корней и при этом имеющего книжную окраску слова (*благоговением*). Автор тяготеет к различным эпитетам, что, по нашему мнению, связано

прежде всего с желанием передать благоговейное отношение к Богу, стремлением передать почтительное отношение к Богу читателям своего произведения. Отметим, что архаически-возвышенная тональность церковно-религиозных текстов существенным образом отличает их от текстов иных стилей.

Спасение, понимаемое как исцеление от греха, его последствий, обретение Царствия Божиего, связывается автором с умным деланием: *усердствующий обучаться этому Божественному деланию, должен, по святому Симеону Новому Богослову, предать себя душою и телом в послушание, согласное с Священным Писанием... путь ко спасению — путь умного делания молитвы*, тайно совершающей умом в сердце [21, с. 37].

Идея спасения репрезентируется с помощью сотериологической лексики, в частности таких слов и сверхсловных единиц, как *спасение, спасение души, Спаситель, душеспасительное делание, спасительнейшая молитва*, при этом автор прибегает к метафорам, связанным с образами света и Божественного огня: Этим умным вниманием *священной молитвы, многие из Богоносных наших отцов, разжегшись серафимским пламенем любви к Богу, и по Боге к ближнему, соделались строжайшими хранителями заповедей Божиих...* Исполнившись... различных Божественных даров, они явились по своей жизни *светилами и огненными столпами* для вселенной и, соделав бесчисленные чудеса, *делом и словом привели неисчисление множества человеческих душ ко спасению* [21, с. 7].

Трезвение, понимаемое как внимательное отношение к своей духовной жизни, мыслям, поступкам, избегание греховых страстей часто представляется как весьма важная идея. Достигается это через обращение к цитатам из трудов святых отцов, вместе с тем в реализации идеи участвуют такие слова и сверхсловные единицы, как *трезвение, трезвиться, бодрствовать, ум, помысл, внимание, бдение, жительство Евангельское*. Укажем на то, что в воплощении рассматриваемой идеи трезвения участвуют, помимо цитат и богословско-аскетических терминов тематической группы «неписис» (*трезвение, помысл, бдение, добродетель, умная молитва, делание, молчание*), эпитеты, и часто — прилагательные в форме превосходной степени. Приведем примеры: Святой Исаихий, пресвитер Иерусалимский, об этой священной молитве говорит: «**Трезвение** есть духовное художество, совершенно, с помощью Божиего, избавляющее человека от страшных помыслов и слов, и лукавых дел»; мысленным и духовным по внутреннему человеку вниманием и молитвою, монахи имели *отменное и превосходнейшее* пред мирскими людьми *делание* [21, с. 36, 37].

В достижении спасения души через трезвение и умное делание важное значение приобретает **безмолвие**, поэтому эта идея — отрешенности от всего мирского, благодатного состояния внутренней тишины, свободы от страстей, сосредоточенности на Боге (безмолвия, исихии) в духовных произведениях христианских писателей становится одной из ключевых. Паисий Величковский о нем пишет: **безмолвие** есть скорое и сокращенное руководство, как успешнейшее и соединяющее с Богом, особенно для держащихся его во всем вполне [21, с. 22].

В монашеской культуре безмолвие понимается как состояние ума, не тревожимого помыслами, душевной отрады, как стояние сердца в Боге, тишина свободы от страстей (по преподобному Никите Стифату), обычно сопровождаемое внешним молчанием [26, с. 131], идея безмолвия имеет особое значение, поскольку, по утверждению богословов, оно способствует достижению внутреннего богомышления, постоянной памяти о Боге, совершению умного делания. Говоря о нем, Паисий Величковский прибегает к

метафоризации: Человек Боготворится не словами или рассудительно умеренностию относительно видимого — все это земное, низкое, человеческое; но пребыванием в безмолвии... этим мы отрешаемся и отходим от дольняго, и восходим к Богу. Претерпевая молитвами и молениями день и ночь в горнице **безмолвного жительства**, мы приближаемся как-то и приступаем к этому... Блаженному Естеству [21, с. 22].

В реализации идеи безмолвия участвуют термины исихазма (очищение сердца, прилог, молчание, безмолвие, внутренний человек, умная молитва, трезвение и др.) и тропы аналогического типа (метафора, сравнение). Как обычно, при реализации других идей, часто используются и эпитеты. Более всего для утверждения идеи безмолвия автор прибегает к цитатам. Обратимся к примеру: И опять тот же Святой, уча о безмолвии и молитве... говорит: «**Иногда должно сидеть на стульце, ради труда; иногда и на постели немного до времени, для отрады. В терпении же должно быть твое сидение, ради сказавшего, что в молитве должно терпеть** (Лк. 18:1)... [21, с. 47].

К риторическим особенностям нравственно-аскетической прозы Паисия Величковского следует прежде всего отнести особенности аргументации, поскольку многие его тексты содержат определенный ответ на мнение, высказанное кем-то из его современников. Обосновывая свои мысли о важности умного делания и молитвы, архимандрит Паисий использует аргументы к свидетельству — утверждению «лица авторитетного или заслуживающего доверия в глазах аудитории о достоверности факта или о своих взглядах» [27, с. 184], ссылаясь при этом на святоотеческие труды, которые он переводил и очень хорошо знал, в частности на тексты аввы Исайи (Скитского) и Исаака Сирина. Кроме того, Паисий Величковский использует аргумент «модель — антимодель», автор применяет «конкретный по форме рассказ или описание», на которые указывает как на образец, «если модель представляет собой положительный образец, то антимодель представляет собой отрицательный образец» [27, с. 187], при этом такой аргумент обычно строится на дилемме «грех — добродетель». Еще Паисий Величковский использует аргумент к норме, который «представляет собой обоснование положений, обращенных к общественным установлениям и сложившейся практике» [27, с. 179], при этом в качестве источника нормы берутся Евангелие и труды святых отцов, церковная практика древних и современных автору христиан. Поскольку аргументы к свидетельству уже были представлены в нашей работе (цитаты в приводимых нами иллюстрациях), рассмотрим пример использования аргумента к норме. Возражая противникам умного делания, порицателям умной молитвы, Паисий Величковский показывает, что эта духовная практика давно вошла в традицию, что существуют определенные общественные установления, относящиеся к ее проведению. В частности, автор показывает закрепившиеся и утвердившиеся в монашеской среде формы умного делания, апеллирует к древности обычаем делания умной молитвы. В главе первой анализируемого произведения читаем: это Божественное делание священной умной молитвы было непрестанным делом древних Богоносных отцов наших, и на многих местах пустынных, и в общежительных монастырях, как солнце просияло оно между монахами: в Синайской горе, в Египетском ските, в Нитрийской горе в Иерусалиме и в монастырях, которые окрест Иерусалима... на Афонской горе и на морских островах; а в последние времена, благодатию Христовою — и в Великой России [21, с. 7]. В дальнейшем представленная аргументация развивается автором.

Стиль Паисия Величковского имеет много общих черт со стилями других церковных писателей, для авторской манеры которых характерны христианские аллегоричность и метафоричность, специфичные связью с образами Библии (Книг Бытия, Исхода,

Царств, Пророков, Евангелий и других), религиозно-христианская интертекстуальность, признаком которой является соотнесенность текстов через интертекстемы с Евангелиями, Деяниями и Посланиями апостолов, произведениями святоотеческой литературы, Псалтирию, житиями и написанными представителями разных народов Ближнего Востока, Западной и Восточной Европы молитвами.

Для стиля Паисия Величковского характерно использование сравнений, особенность которых связана с обращением к солярным образам: ***Божественное делание священной умной молитвы... как солнце просияло оно между монахами*** [21, с. 7].

Автор использует также и устойчивые метафоры, характерные для произведений церковно-религиозного стиля: *Этим умным вниманием священной молитвы, многие из Богоносных наших отцов... очистив свои души и сердца от всех пороков ветхого человека, удостоились быть избранными сосудами Святого Духа* [21, с. 7]. Использование метафоры, основанной на обращении к образу сосуда и относящей данный образ к человеку, является давней традицией, развивающейся в религиозно-христианской литературе, позволяющей выражать особые смыслы — связанные с духовными стремлениями человека, его внутренним развитием, нравственным преображением.

Метафоры, обращающиеся к часто встречающемуся в Библии образу светильника, который обозначается как положительный, встречаются в произведениях Паисия Величковского в контекстах, посвященных духовной пользе и духовному совершенствованию: *Преподобный отец наш Никифор Постник... в слове своем о хранении сердца, преисполненном духовной пользы, уподобляет это Божественное мысленное в сердце делание молитвы сокровищу... и называет светильником горящим* [21, с. 30–31].

Эпитеты используются Паисием Величковским как смыслообразующие и орнаментальные компоненты, особенность их функционирования заключается в частом обращении автора к сложным, состоящим из двух корней и при этом имеющим высокую, книжную окраску эпитетам и к прилагательным в форме сравнительной и превосходной степени. Рассмотрим один из примеров: *Священная умная молитва, по силе писаний Богоносных отцов, действуемая Божией благодатию, очищает человека от всех страстей, возбуждает к усерднейшему хранению заповедей Божиих <...> вы или никогда, может быть, не видели и не слышали о ней в писании Богоносных отцов наших; или, если не это, то силы Богомудрых их слов вы отнюдь не разумеете...* [21, с. 14].

Примеры дают нам возможность говорить о том, что в использовании эпитетов обнаруживается действие принципа теоцентризма, согласно которому Бог выступает в качестве истока бытия всего существующего, христоцентризма, согласно которому центром духовной жизни является Иисус Христос и Его заповеди, провиденциализма, согласно которому все происходящие события понимаются как действие Промысла Божия. Действие этих принципов обнаруживается и в функционировании других приемов, в особенности же интертекстуальных компонентов. Приведем примеры использования молитвенной интертекстемы: *Но несравненно большую стяжала она славу, когда более всех святых святейшая, честнейшая Херувимов, и славнейшая без сравнения Серафимов, Пресвятая Дева Богородица, пребывая во Святая Святых, умною молитвою взошла на крайнюю высоту Боговидения* [21, с. 20]. Интертекстуальное включение — реминисценция — обращает читателя к молитве «Достойно есть...» — одной из наиболее известных молитв Богородице (Честнейшую Херувим и славнейшую без сравнения Серафим, без истлении Бога Слова рождшую, сущую Богородицу Тя величайшем).

Религиозно-христианская смысловая направленность обнаруживается и в бытении антитезы. Особенность использования антитезы наблюдается в том, что автор при построении конструкций данного типа часто основывается на дихотомиях «зло — добро», «грех — добродетель»: *Возлюбив ее, грешные, непотребные, мерзкие, неразумные, несмысленные и неправедные могут сodelаться праведными, благопотребными, чистыми, святыми и разумными* о Христе Иисусе [21, с. 41].

Заключение

Духовное наследие Паисия Величковского — образец церковно-религиозной прозы как в идеином-тематическом, так и в риторико-стилистическом отношениях. В идеином отношении труды Паисия Величковского представляют интерес для исследователей исихазма и православной монашеской культуры с ее традициями и системой духовных ценностей — историков, культурологов, богословов, философов, филологов. В риторическом и стилистическом отношениях произведения писателя интересны в большей мере филологам, поскольку в них представлены значимые особенности церковно-религиозного стиля, а также языка XVIII века. Идиостиль автора специфичен конвергенцией сoterиологической лексики, богословско-аскетических терминов, в основном тематической группы «неписис», терминов исихазма с тропами аналогического типа, аллегориями, характерными для церковно-религиозных текстов, святоотеческими и евангельскими интертекстемами, сложными, состоящими из двух корней и при этом имеющим высокую, книжную окраску эпитетами. Аргументация Паисия Величковского сосредоточивается вокруг таких типов аргументов, как аргументы к свидетельству, к норме, «модель — антимодель». Важнейшей особенностью нравственно-аскетических текстов писателя становится их идеиное содержание, которое определяет художественную специфику. Воплощаемые в нравственно-аскетических произведениях Паисия Величковского идеи умного делания, спасения души, трезвения, безмолвия, смирения, самоумаления создают неповторимый содержательный облик произведений. Несомненно, что такое сочетание идей отличает тексты, исследованные нами в ходе проведенного анализа, от текстов публицистического, художественного стилей, однако произведения Паисия Величковского выделяются и на общем широком фоне текстов церковно-религиозного стиля. Такая идеиность свойственна монашествующим авторам, причем монахам-исихастам. То, что писатель переводил святоотеческие произведения, в особенности же — труды святителя Григория Паламы — несомненно повлияло на идеиность его произведений и художественность различных творений писателя, в частности текста «Об умной или внутренней молитве».

Библиография

1. Чуватова Н. Е. Христианская аксиология в творчестве К. Д. Ушинского и Ф. М. Достоевского // Интеграция образования. 2001. № 1. С. 35-36. EDN: QBCEUL.
2. Казанцева И. А. Православная аксиология в русской прозе XX-XXI веков: дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2011. 484 с. EDN: QFKXAP.
3. Лукьянов В. Г. Русская религиозная аксиология. СПб: Алтейя, 2015. 224 с. EDN: TIESSH.
4. Киреев М. Н. Аксиология и воспитательный потенциал отечественной правовой культуры: компаративный анализ: дис. ... д-ра филос. наук. Белгород, 2019. 367 с. EDN: FVJVGД.
5. Миронов А. С. Аксиологические доминанты в системе ценностей русского эпического героя // Проблемы исторической поэтики: научный журнал. Петрозаводск, 2023. Т. 21, № 2. С. 38-65. DOI: 10.15393/j9.art.2023.12423. EDN: GMOSGF.

6. Крысин Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М., 1996. С. 135-138. EDN: VXSZHP.
7. Крылова И. А. Современная православная проповедь в функционально-стилистическом аспекте: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005. 227 с. EDN: NNPWNN.
8. Листрова-Правда Ю. Т., Растворгутева М. Б. К вопросу о функциональном церковно-религиозном стиле современного русского литературного языка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия "Филология. Журналистика". 2006. № 1. С. 49-54. EDN: IBVFYP.
9. Худякова Е. С. Социальная обусловленность системы жанров и жанровой компетенции в церковно-религиозной сфере: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2009. 339 с. EDN: QEMWGJ.
10. Дьячкова Н. А. Монашеская речевая культура // Церковь. Богословие. История. 2024. № 5. С. 344-353. EDN: YGERBC.
11. Смолина А. Н., Лубкина О. А. Интертекстуальность как стилевая черта церковно-религиозных текстов // Мир науки, культуры, образования: международный журнал. 2012. № 5 (36). С. 268-270. EDN: PFZWCP.
12. Смолина А. Н. Русское духовное письмо XX века: мировоззренческие основания, композиция, стиль: монография. М.: Издательский Дом ЯСК, 2023. 263 с. (*Studia philologica*). EDN: DPRUJJ.
13. Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М. А. Маслина. М.: Республика, 1995. 655 с.
14. Шафажинская Н. Е. Творческий диапазон русского монашества второй половины XVIII века // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2008. № 3. С. 30-34. EDN: KUWYFX.
15. Попова Т. Г. Рукописи "Лествицы" Иоанна Синайского перевода Паисия Величковского // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2017. Вып. 50. С. 36-43. DOI: 10.15382/sturIII201750.36-43. EDN: YLFSBP.
16. Паисий (Буй), иером. Преподобный Паисий (Величковский) как представитель ученого монашества // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2021. № 2 (15). С. 139-147. DOI: 10.51216/2687-072X_2021_2_139. EDN: XMOOKC.
17. Пентковский А. М. Венецианская Філокаліа в переводческой деятельности Паисия Величковского // Вестник Свято-Филаретовского института. 2024. Т. 16. Вып. 2 (50). С. 151-206. DOI: 10.25803/26587599_2024_2_50_151. EDN: POFJLB.
18. Солодов Н. В. Перевод сборника "Крины сельные" на русский язык и его переводчики // Словесность и история. 2025. № 1. С. 177-193. DOI: 10.31860/2712-7591-2025-1-177-193. EDN: FBSRNM.
19. Дионисий (Шлённов), игумен. Добротолюбие // Православная энциклопедия. Т. XXVII. Димитрий – "Дополнения к актам историческим" [Текст] / Под общ. ред. Патриарха Моск. и всея Руси Алексия II. М.: Православная энциклопедия, 2007. С. 491-512.
20. Лихачев Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958. 68 с.
21. Об умной или внутренней молитве. Сочинение блаженного старца схимонаха и архимандрита Паисия Величковского настоятеля Нямецкого и других монастырей в Молдавии и основателя русского Ильинского скита на Афоне. Москва, 1902.
22. Дунаев А. Г. Исаиказм // Православная энциклопедия. Т. XXVII. Исаак Сирин – исторические книги [Текст] / Под общ. ред. Патриарха Моск. и всея Руси Кирилла. М.: Православная энциклопедия, 2011. С. 240-254.
23. Бронзов А. А. Христианская добродетель – смиление // Христианское чтение. 1900. № 2. С. 161-182.

24. Глубоковский Н. Н. Библейский словарь. Сергиев Посад – Джорданвилль: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2007. 864 с.
25. Скурат К. Е. Святость Руси. Яхрома: Троицкий собор, 2011. 728 с.
26. Никита Стифат. Вторая сотница естественных психологических глав об очищении ума // Добротолюбие: в русском переводе, дополненное. Т. 5. М., 1900. 482 с.
27. Волков А. А. Курс русской риторики. Изд. 3-е, исправленное и дополненное. М.: Издательский дом "Русская панорама"; Издательство "Кафедра", 2013. 416 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья посвящена осмыслиению нравственно-аскетическая прозы русского церковного писателя XIX века Паисия Величковского (Петра Ивановича Величковского) – переводчика святоотеческих сочинений, восстановителя монашеских традиций этико-аскетического учения «о пути человека к единению с Богом». Актуальность исследования обоснованно аргументируется как значимостью изучения религиозно-христианской аксиологии («нравственно-аскетическая проза Паисия Величковского определяется прежде всего ее аксиологичностью: многие ценности, на которые ориентирует писатель, в течение многих веков остаются весьма значимыми как для русской церковно-религиозной письменной культуры, так и для отечественной культуры в целом»), так и важностью лингвистического изучения произведений церковно-религиозного стиля, в частности текстов монашеской словесности.

Теоретической основой научной работы послужили труды по исследованию православной аксиологии в русской прозе XX-XXI веков, особенностям церковно-религиозного стиля и его отдельным жанрам, анализу письменного наследия Паисия Величковского и др. Библиография насчитывает 27 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта исследуемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Методология продиктована комплексным подходом к изучаемому материалу: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный и сравнительно-исторический методы, метод лингвоаксиологической интерпретации, методы когнитивного и дискурсивного анализа. Настоящее исследование проводится на основе анализа труда Паисия Величковского «Об умной или внутренней молитве».

В рамках исследования проведен серьезный критический анализ изучаемой проблемы, подробно изучены идеиные основания (воплощение идей смирения и самоумаления, умного делания, спасения, трезвения, безмолвия), специфика аргументации («к риторическим особенностям нравственно-аскетической прозы Паисия Величковского следует прежде всего отнести особенности аргументации, поскольку многие его тексты содержат определенный ответ на мнение, высказанное кем-то из его современников»), язык и стиль («стиль Паисия Величковского имеет много общих черт со стилями других церковных писателей, для авторской манеры которых характерны христианские аллегоричность и метафоричность, специфичные связью с образами Библии, религиозно-христианская интертекстуальность...») нравственно-аскетической прозы Паисия Величковского. Выводы статьи логично вытекают из проведенного анализа: «идиостиль автора специфичен конвергенцией сoteriологической лексики,

богословско-аскетических терминов,.. терминов исихазма с тропами аналогического типа, аллегориями, характерными для церковно-религиозных текстов, святоотеческими и евангельскими интертекстемами, сложными, состоящими из двух корней и при этом имеющим высокую, книжную окраску элитетами», «аргументация Паисия Величковского сосредоточивается вокруг таких типов аргументов, как аргументы к свидетельству, к норме, «модель — антимодель» и т. д.

Результаты, полученные в ходе работы, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят вклад в развитие теолингвистики и стилистики, в изучение особенностей церковно-религиозного стиля и его отдельных жанров, идиостиля Паисия Величковского, а также могут применяться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по теории литературы, стилистике, по проблемам церковно-религиозной прозы и др.

Содержание работы соответствует названию. Стиль изложения материала отвечает требованиям научного описания и характеризуется оригинальностью, логичностью и доступностью. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».